

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

— Я погуляю полторы минуты, — сказал он, когда мы наконец встретились в Доме актера. — Надо выветрить из головы похороны...

Да уж, не самый подходящий момент для юбилейного интервью. 16 марта Сергею Юрскому исполняется 70. А в начале месяца актер похоронил двух близких людей. Но полторы минуты истекли, и он уже не там — здесь...

Одержимый. Ни убавить, ни прибавить. Актер, режиссер, писатель. Чем бы ни занимался Юрский, во все погружается с головой. Без остатка. Сейчас играет Сталина — и это для него самое важное. Завтра займется чем-то другим — остальное перестанет существовать. Уже 50 лет в таком режиме — своего рода привычка. Расспрашивать Юрского о прошлом — занятие неблагоприятное. Он не из тех, кто живет минувшим. Отпустил, забыл, проехали. Едем дальше.

— Сергей Юрьевич, значит, о грустном вам не напоминать?

— Ну как, я все равно об этом думаю.

— Кого хоронили?

— Сегодня — Николая Прокоповича. Прекрасного артиста, которого знают в основном по роли Гимлера из "Семнадцати мгновений весны". А для меня он — партнер. И очень дорогой партнер. А вчера в храме Христа Спасителя отпевали крупного менеджера, антрепренера, можно сказать, международного уровня — Павла Белинского. Сына моего старинного друга, режиссера Саши Белинского.

— Не самые приятные эмоции накануне юбилея.

— Стараюсь сам юбилей пройти ровным шагом, а не вприпрыжку.

— А вообще в вашей жизни сейчас больше радостных минут или горестных?

— Горя я не ищу, естественно. Да и радостей специально искать мне тоже не свойственно. Я ведь принадлежу к профессии, которая скорее развлекает, чем развлекается. Скорее жизнь есть исполнение долга, и в этом исполнении ты находишь свои радости. А жизнь в теперешнем ее качестве есть участие в какой-то новой, поворотной ситуации. Мир на повороте...

— И в чем его поворотность?

— Она заключается в обилии тупиков, в которые зашли люди. Давайте представим. Буквально. Человек шел-шел, были повороты всякие: то правее, то левее. А потом бац — и тупик. И тут что? Либо поворот в буквально смысле: давай назад — ищи, где ты сбился. Или долби вперед — опасно, может, не додобишься. И наконец, третий вариант — обустраивайся прямо тут.

— Это все очень образно...

— Образно. Как маленькое стихотворение в прозе.

— А если перейти к конкретике. Или это скучнее?

— Это скучнее. Но, если хотите, я поясню. Тупики — это и проблемы театра, и проблемы экономики... Да всего: экологии, политики, проблемы глобализации...

— Вы говорите об обществе, а общество состоит из конкретных людей. Вот, к примеру, взять конкретного человека Сергея Юрского. Тоже тупик?

— Да и у меня тупиков хватает. Профессия которой я отдал полвека, переменялась. Она, я бы сказал, мутировала. Потому что изменились задачи: чем влияем на зрителя, что причаем зрителя ждать от нас и чем вообще занимаемся на сцене, с какой целью.

— Ну если советская театральная школа призвала просвещать зрителя, то теперь предпочитают развлекать.

— Вот это-то меня и смущает, это и есть кризис, мутация. И если бы я знал об этом 50 лет назад, я, пожалуй...

— Не пошли бы в эту профессию?

— Не пошел бы.

"Страх вводил меня в болезненное состояние"

— О повороте. Вы играете спектакль "Ужин с товарищем Сталиным" и говорите, что это для вас сейчас самое важное. Во-первых, почему Сталин? И почему сегодня?

— Во-первых, об этом надо спросить Друзя. Почему этот человек, старый человек, религиозный, абсолютно антитоталитарный, написал в 2001 году пьесу о Сталине. Потом уже надо меня спросить: почему я стал играть. Для меня — это драма, очень острая и необыкновенно современная. Ведь почему-то к этой фигуре сейчас снова стали возвращаться. Да, можно, глядя на толпы пенсионеров с портретами Сталина, сказать: ну старичье, выжившее из ума. А если взять и взглянуть? Возвращение из тупика — занятие в общем-то пустое. Но посмотреть туда — а что было-то? — надо. А было совсем не то, что сейчас примитивно говорят. Дескать, пришли два плохих человека, Ленин и Сталин, которые взяли книжки двух других плохих людей, Маркса и Энгельса, и все там испортили. Вот это — чепуха. Играя Сталина, я понимаю, что сталинизм был создан не столько Сталиным, сколько волей народа. А потом уже начался процесс необратимый. Который мог ли остановить один человек? Может, и не мог.

— "Московская сага", "Дети Арбата", масса документальных фильмов о том времени... И вы туда же?

— Туда, да не туда. Я как человек, занимающийся художественным творчеством, не мог не почувствовать этой волны. И захотел попробовать понять ее объективно и телесно. Я же актер, а не философ. А от тех фильмов и сериалов, которые вы перечислили, наш спектакль отличается. Там Сталин — лицо эпизодическое, которое рассматривается с точки зрения жертвы. Герои — те, кто им подавлен. В этой пьесе Сталин — герой спектакля, происходящее рассматривается с его точки зрения. И жертвами сталинизма являются все персонажи, включая самого Сталина. Это как бы взгляд изнутри. И этим он интересен, этим оригинален.

— Сергей Юрьевич, насколько я знаю, в свое время в Ленинграде партийные чиновники активно "шили" вам диссидентство...

— Видимо, да. Буквально это никогда не было сказано, но, видимо, да — чужой.

— Сейчас, по прошествии лет, можете сказать, что таковым и являлись?

— Очень выгодно было бы сказать, что да, был диссидентом. Но я не был им. Я был самостоятельным, вольным человеком. И, конечно,

Сцена из спектакля "Ужин с товарищем Сталиным".

Сергей ЮРСКИЙ:
"Жениться на поклоннице? Не дай бог!"

Пыцарь со страхом и упреком

Клан Юрских. С женой Натальей Теньковой, дочкой Дашей и зятем Алексеем.

— Очень. Страх самый большой — это страх потерять себя. Потерять уважение самых близких людей. И самоуважение. Страх, который ввел меня в болезненное состояние. Каждый с этим борется по-своему. Кто-то к врачу идет — я и к врачу ходил. Кто-то таблетки пьет — я и таблетки пил. Но у меня было еще одно. Я написал откровенную повесть. В стол. Об этом страхе. О страхе, который превращается в тоску и в настоящее уныние. И от которого в конечном счете выбрасываются из окна. И то, что я сумел это сделать, для меня было крайне важно. А когда началась перестройка и тема была вроде изжитая, я по этой повести поставил фильм "Чернов". Для того, чтобы посмотреть со стороны. И отпустить этот страх от себя.

— Теперь ко дню сегодняшнему. Недавно по телевидению распространили текст обращения о том, чтобы придать Ходорковскому статус политзаключенного, подписанного в том числе и вами...

— Да, обращение это получило довольно громкий резонанс. Понятно, правда, было по-разному. Акцент, с которым меня поздравляют, несколько иной, чем был на самом деле. Но, раз люди так слышат, значит, им так хочется слышать. Хотя в нашем документе речь шла о том, что нельзя полтора года держать в клетке человека. Который, как я все-таки думаю, не является опасным для общества. И которого только собираются судить. Это противоестественно, противосмысленно. В этом документе и говорилось: "Судите. Судите со всей честностью. Слушайте друг друга, выясняйте. Но не мучайте человека и не травите его". Более того, я ведь второй раз уже подписывал это письмо. Первый раз в мае. Но тогда это абсолютно не прозвучало, хотя письмо было абсолютно таким же.

"В кино я денег не заработал"

— Сменим тему. Когда мы с вами договаривались об интервью, вы сказали, что уже 20 лет не снимаетесь в кино. Зачитываю список: "Чернов" (1990 год), "Экстрасенс" (1992), "Пистолет с глушителем" (1993), "Исповедь незнакомцу" (1994), "Королева Марго" (1996)... Или вы эти картины фильмами не считаете?

— Нет, это были фильмы. Но не работа в кино. Случайные роли. Просто все эти годы я занимался другим, а это...

— Деньги?

— Нет, я никогда не занимался кино для заработка.

— Но это же ваша профессия, чего тут стесняться?

— Зарабатывать деньги в кино мне никогда не удавалось. Когда снимался в гигантских ролях, за это платили гроши. Когда же снял "Чернова", всего моего гонорара мне хватило только на банкет для съемочной группы.

— Сейчас актерская работа оплачивается очень даже неплохо. Вот только вас в кино не особенно видно.

— В чем мне нравилось сниматься, я снялся. А сейчас... Что же я могу играть? В прошлом году было очень много предложений. Некорректных предложений.

— А к сериалам вы как относитесь?

— Как к другому искусству, в котором тоже можно принимать участие.

— Значит, не гнушаетесь?

— А почему я должен гнушаться? Господи, ведь сыграла же Чулпан Хаматова, и прекрасно сыграла, в "Детях Арбата". А Евгений Миронов в "Идиоте"!

— Молодых называете, а ведь сейчас и старшее поколение потихоньку подтягивается. Смотришь: и Чурикова, и Фрейдлих, и Басилашвили, и Соломин...

— Ну и замечательно. И пусть себе играют.

— Почему без вас?

— Потому что я театром занимаюсь, литературой. А то, что мне предлагают... У каждого, знаете, своя судьба. Я не хватаюсь за лицо в ужасе, что меня не зовут в сериалы.

— Какую-то роль из последних нашумевших сериалов на себя не примеряли?

— Нет-нет... Один раз только позавидовал моему другу Басилашвили и сказал режиссеру Борто, что хотел бы сыграть Воланда. Но когда начались подробности: с механическим котом, с куклой... я сказал: "О, нет". Нет, мне кот нужен, как у меня дома. И вместе с тем, чтобы был артист. Вот я не знаю, как это сделать... Поэтому: нет, нет, нет... А Бас (Басилашвили). — Авт.), кстати, хотел Сталина сыграть, а сыграл я.

— В театре, если не ошибаюсь, вы в основном в своих постановках играете?

— Да, так получается.

— "Получается" или просто вам не нравятся чужие?

— Часто очень не нравятся. Совершенно откровенно.

— А для актера это тоже, может быть, тупик?

— Может быть. Не знаю, но очень может быть. Потому что когда я сталкиваюсь с режиссером и вижу, что дело не в его идеологии и не в его посыле, который с моим не совпадает, а дело в том, что он попросту неграмотен...

— А вы так легко можете расставить все точки над "и"?

— Я могу. Я 50 лет этим занимаюсь. От безграмотности в профессии меня... уа-а-а. (Кривит лицо.)

— Воротит?

— Да.

— Многие ваши ровесники говорят примерно то же самое. Иногда, извините, это походит на брюзжание.

— Это не брюзжание. Это просто люди с высшим образованием говорят людям без высшего. Когда сделано неграмотно по профессии — я вижу и говорю: "Это неграмотно".

— А я вот читал, что Товстоногов, восхищаясь Юрским-актером, Юрскому-режиссеру в таланте отказывал.

— И напрасно — наверное, стилил за что-то. Это вообще плохая история, которая в свое время мне сильно навредила. И до сих пор вредит.

— То есть в некоторых кругах это своего рода штамп: Юрский-режиссер — минус.

— Да, аксиома. Но я не пытаюсь никому доказывать обратное — просто делаю спектакли. Я никогда не работал по схеме: одно кончил, другое начал. Ставил только то, что считал: пришла пора. А поставил я довольно много. И вопреки расхожему клише, они все были долгоиграющими и успешными.

"Мы как цыгане — женимся только между собой"

— У вас ведь актерская семья. Для семейных отношений — значительная степень риска, как считается.

— Понятия не имею. Я же из циркачей. Мы как цыгане — женимся только между собой. У меня и первая любовь — актриса, и первая жена (Зинаида Шарко). — Прим. авт.)

— Какой-то замкнутый круг — сами в себе варитесь. Тот мир, который в зале, за окном, он что, враждебен?

— Вот не дай бог еще жениться на поклоннице, которая будет днем и ночью говорить о театре. Дома о работе я вообще предпочитаю не разговаривать... Знаете же анекдот: "Говорят, ваша дочь вышла замуж?" — "Да". — "Кто он, где играет?" — "Нет, он не актер". — "Как, из зрителей?!" Понимаете, это опасно. Клан.

— Как раз ваша дочь вышла замуж за зрителя.

— Да, но он оказался хорошим зрителем. Алеша ведь отслужил армию в Театре Армии и даже съездил со МХАТом на гастроли — у Ефремова в спектакле "Борис Годунов" в массовке выходил.

— А теперь, если не ошибаюсь, стал бизнесменом?

— Нет, бизнесменом Алешу назвать сложно — не похож. Он со своими родителями занимается арт-выставками. Хотя на самом деле я не понимаю, чем он занимается. Ну скажите мне: как можно сделать выставку академического советского искусства 50-х гг. в Китае? Я, например, не понимаю. А они ее сделали.

— Ну а с Дашей, вашей дочерью, все, стало быть, в порядке — выбрала для себя актерскую стезю...

— Абсолютно сознательно. И бескомпромиссно. Хотя мне кажется, что у нее способности шире, чем просто актерские.

— Поясните.

— Это может быть и литературная, и режиссерская, и психологическая деятельность... Вот такой набор.

— Однако принято считать, что природа на детях отдыхает.

— Я же говорю, сам из актеров. Наоборот, мы как японский театр — из поколения в поколение учимся: дети у родителей, внуки у детей...

— Ваша супруга Наталья Тенькова в своих беседах с журналистами более откровенна, чем вы. Не ругаетесь потом?

— Может, я чего-то не прочел. Может, она где-то ругалась на меня или жаловалась. Но я приму любые ее жалобы.

— Да нет, жалоб вроде не припомню. В одном из интервью она, например, сказала: "Юрский был молодежным кумиром Ленинграда". Интересно, в чем это выражалось?

— Это она сказала. Она была молодежь, а я, видимо, был ее кумиром.

— Ну, наверное, она была не одинока?

— Видимо, не одинока... Ну как: если я, выходя на сцену, один собирал полные залы в течение десятилетий. С любой программой. Наверное, это что-то значит. Большого я сказать не могу.

— Вы как-то сказали, что москвичом себя не считаете. В душе вы по-прежнему ленинградец?

— Нет, я и москвич. Детство прошло в Москве, снимался здесь много — так что город не чужой. Дело в том, что я школы ленинградской. Театральной школы. И тут есть некоторая специфика...

— Вам жалко было переезжать из Ленинграда в Москву?

— Мне было страшно переезжать. Но я до сих пор полагаю, что меня вела судьба, и другого выхода не было.

— Но уезжали ведь не по своей воле?

— Ну да, я эмигрант. Три года вести борьбу за прописку — очень похоже.

— Обиды остались?

— Обиды — это очень важный и тяжелый компонент жизни, я думаю, касающийся абсолютно всех людей.

— Обиды, которые сродни амбициям? Даже слова похожи.

— А как же, вы совершенно правы. Обиды и амбиции. Они иногда уравниваются, иногда сцепляются мертвой хваткой — все амбиции превращаются в обиды.

— Это обиды на конкретных людей, на самого себя или, может быть, на время?

— На что угодно. Чаше всего — конкретные люди. Это недопонимание, недооценка... Вы знаете, у меня счастливая была жизнь. Я имел привычку рассчитывать на понимание. Я даже могу с гордостью и несколько амбициозно заявить: если бы я сейчас не находил понимания у зрителей, у меня были бы все основания оставить театр. Я могу не играть. Могу.

— Толстой, по-моему, говорил: "Можешь не писать — не пиши".

— Я не из тех, кто без аплодисментов жить не может. А играть, пока есть силы, я дал слово отцу. Папа говорил: "Если ты все-таки выберешь эту профессию (а он был против), тогда уж играй до конца, не делай того, что сделал я". Он оставил актерскую профессию и занялся режиссурой. "Играй", — сказал он, — пока есть роли". Роль у меня, естественно, становится все меньше — возраст все-таки. Но вот сейчас, в марте, я попробую играть семь дней подряд — покажу весь свой репертуар. Если выдержу — что ж, хорошо. Ну а если помру — будет очень даже эффектно.

— Давайте все же настроимся на оптимистический лад.

— Я и настроен на оптимистический лад. Но в то же время к веселью, к которому меня все время призывает, скажем, наше телевидение... Знаете, спрашивают: "Ну, как вы будете отмечать юбилей?" С такой интонацией, вроде как: "Ну, что вы нам станцуете?" М-да... Шутить я вроде не разучился, но танцевать... В меру необходимости, на сцене. Не более. А танцевать по жизни?... Нет.

Дмитрий МЕЛЬМАН